

«Я ПТИЦА САМ»...

О жизни и стихах Юрия Марра

Публикация и предисловие Татьяны НИКОЛЬСКОЙ

Юрий Николаевич Марр, сын выдающегося языковеда Николая Яковлевича Марра, родился в 1893 году. Его детство и юношеские годы прошли в научной среде. Близкими родственниками Юрия были исследователи Востока В. А. Жуковский и В. В. Бартольд. Следуя по их стопам, Юрий после окончания гимназии поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. На первых курсах он страстно увлекался арабским языком и поэзией. По словам его учителя И. Крачковского, Юрий «вскоре основательно постиг важнейшие тонкости метрики» арабской поэзии, привлекая его необычайной концентрированностью, точностью, сжатостью и образностью. Чтобы свободно овладеть арабским языком, Ю. Марр в 1914 году совершил путешествие в Сирию. В Дамаске он пробыл не больше месяца, так как началась первая мировая война и пришлось вернуться в Петербург, но и за это короткое время Юрий сделал многое: «он изучал живой арабский язык, знакомился с новой арабской литературой, наблюдал лингвистические особенности языка, записывал термины, зарисовывал предметы материальной культуры». ¹ Ученый сочетался в студенте с поэтом и фантазером. Помимо научных занятий, Юрий изучал живую жизнь, ходил по базарам, знакомился с местными жителями, одевался так же, как они, чтобы не выделяться в толпе. Экзотический быт востока отражался в стихах юного поэта:

*Объезжает коня моего бедуин
Средь пустынных долин.
Притаюсь за кусты, я лежжу,
Неподвижно на камни гляжжу.*

С. Марр. Ю. Н. Марр в Сирии. — «Литературная Грузия», 1979, № 11, с. 142

*И я вижу вдали, как идет караван.
Это в Мекку спешит венецианский султан.
Неустанно поют колокольцы, звенят,
Неустанно они «Дильарам» говорят.¹*

По словам жены Юрия, Софьи Михайловны Марр, сочиняя стихи, он не бормотал, записывая их, а пел. Мелодия рождалась у него раньше слов, и эта особенность сближала его стихи с пением погонщиков верблюдов, которое Юрий любил слушать, путешествуя с караваном в Дамаск.

В 1917 году Ю. Марр окончил университет и вскоре приехал на родину отца в Грузию. До 1922 года он жил в Тбилиси, работал в библиотеке Государственного университета Грузии, в свободное время совершал многочисленные поездки по Кавказу. В Тбилиси Юрий сблизился с футуристами-заумниками, образовавшими группу «левобережного футуризма» «41/», по параллели, на которой лежит грузинская столица. Дружба с И. Зданевичем, А. Крученых и в особенности с И. Терентьевым повлияла радикальным образом на поэзию Ю. Марра. Если еще в 1919 году он писал экзотические стихи, отмеченные влиянием Гумилева и Киплинга, то к 1921 в его поэзии можно обнаружить все приметы зауми: неологизмы, игру на сдвигах, повышенное внимание к звуковой фактуре слова. Впрочем, стихов, написанных на чисто заумном языке, у Ю. Марра, в отличие от основателя этого языка А. Крученых, почти нет. Следуя за И. Терентьевым, предлагавшим использовать достижения всех литературных школ, Ю. Марр свободно комбинирует различные языковые пласты: научные термины, слова восточных языков с обиходной лексикой, местным жаргоном, бытовыми реалиями:

*«Я третью шмамку выездил
на мундштуке
Гренландских Ампистров
А мне никто не поверил
Хотя я не хан
Стану стану монахом
Но где куплю я вышитые
силвестрамы штаны».*

В этом стихотворении друзья Юрия узнавали намеки на его занятия эскимосским языком и имя популярного в Тбилиси портного Сильвестра. Нередко Юрий вкрапляет в русский текст арабские слова, создавая своеобразные заумно-макаронические стихи.

В 1921 году, когда в Тбилиси был образован «Союз русских писателей в Грузии», Юрий стал его активным членом, выступал на собраниях Союза со своими стихами, участвовал в диспутах и обсуждениях новых книг. В 1922 году Ю. Марр переехал в Петроград, где до 1925 года работал в Азиатском музее (ныне ленинградское отделение Института востоковедения) и в научно-исследовательском институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока. С 1924 года он начал печатать статьи, посвященные творчеству Низами, наследие которого изучал под руко-

¹ С. Марр. Ю. Н. Марр в Сирии. — «Литературная Грузия», 1979, № 11, с. 142—143.

водством С. Ольденбурга. В 1925 году Ю. Марр был командирован в Иран, где собрал большой литературный и этнографический материал. Поездка подорвала его здоровье. В 1927 году Юрий переехал из Ленинграда в Грузию, жил по большей части на туберкулезном курорте в Абастумани, работал в Кавказском историко-археологическом институте.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Юрий написал множество стихов, часть из которых по-прежнему отмечена печатью футуризма, многие представляют собой дружеские послания, стихотворные скетчи и пьески, в которых много злободневных аллюзий и литературной игры, попыток совместить традицию и новаторство. Ю. Марр скончался от туберкулеза легких в 1935 году. Уже после смерти ученого вышло два сборника его «Статей и сообщений» (1936 и 1939). Интерес к творческому наследию ученого возродился в шестидесятые годы, когда его вдове совместно с востоковедом А. Гвахария удалось выпустить том его переписки по грузино-персидским связям. В 70-е — 80-е годы вышло еще два сборника писем Юрия Марра, содержащих много интересных мыслей, блестящих догадок, неосуществленных замыслов и большое количество стихов. Полный корпус стихов Ю. Марра собрала С. М. Марр, его жена и верный, преданный друг. Она мечтала, что когда-нибудь поэзия Юрия будет напечатана. Дожить до осуществления своей мечты Софье Михайловне не удалось — она умерла в 1980 году в возрасте 90 лет. Незадолго до смерти С. М. Марр передала мне часть стихов Юрия Николаевича, некоторые из которых я предлагаю вниманию читателей журнала «Памир».

В публикации сохранена пунктуация автора.

* * *

*В горах, где закрыты живым пути,
Где не может бегущий зверь пройти
И скалы целуют небес лицо,
Орлы стерегут кольцо.*

*Тяжка дорога к подошвам гор
Стариков утесов безжизнен взор
И жестоки когти тех орлов.
Но я ко всему готов.*

*По уступам скал я вверх ползу:
Мои люди остались внизу,
И молят и просят и гневно велят,
Призывая к себе назад.*

*Но я их не слышу, я вверх ползу
За траву цепляюсь, скалу грызу
И кровью покрыто мое лицо,
Я решился украсть кольцо.*

*Я орлов не боюсь. Я птица сам.
Я стихи говорю на пути к небесам.
В них нет начала и нет конца,
Но вернусь назад без кольца.*

* * *

Когда я услышу звенящие струны
Застольных песен
Свободных греков
И клич их военный
Услышу когда я?

Когда услышу у рек Вавилона
О милой отчизне
Пленных евреев
И ночью и денно
Поющих рыдая?

Когда я услышу со стогн Ирана
Гибкие переливы
Хафиза, Рудаки
Их мерную душу
Услышу когда я?

Когда я услышу свой собственный голос
Свое дыхание
В раскатах хора
Где они хористы
Услышу когда я?

12-IX. 1920.

* * *

(Н. Я. МАРРУ)

Всеблагой Лылыбай
Не забыл, не покинул и снова
Возник из Одессы.
Из бокала станюли
Стальным пятаком
В языке или горле,
повсюду Экстаз
это жидкий восторг.
Торопитесь немедля примите.
Он все Вам покажет
Даже то, что не нужно
Он вежлив
Кулаками заботливо, нежно
Откроет неведомо-новое.
Он — Лылыбай.

Дикий ангел

Ладаном пахла земли ладонь.
Дано ль мне тот вновь услышать запах,
Ощутить солнца жгивительный огонь,
Чужеземцев увидеть в странных шляпах.

Зеленел лужайки неровный круг,
Деревья, казалось, имели лица.
Вдыхая цветов ароматный дух,
Я к ручью подошел напиться.

Напившись, случайно вверх взглянул
Там, спеша меж другими пернатыми,
Дикий Ангел в далекую летел страну
В рваных брюках с большими заплатами.

1930.

Сухие кошки

Сырая мгла над городом нависла,
Туманный дымный вздох носился над землей.
С Давидовской горы рассеянно и кисло
Глядела цепь недвижных фонарей.

Как скользки у прохожих лица,
Усталый мрачен тротуар
И дворник яростно косится
На лица проходящих пар.

Сеустилась мгла, я выглянул в окошко,
Казалось сотни рук тянулись с небес
Чтоб задушить. А там, навеселе немножко
Шел продавец, разряженный как бес —

На голове, в мешках, в берестяном лукошке
Лежали грудами сухие кошки.

Подражание Хайяму

Мы платом святости кувшин вина покрыли,
Мы прахом кабака лицо свое омыли,
Быть может там под стойками, в пыли
Обрящем жизнь, что в школах загубили.

